Восточный курьер. 2013-2023

ISSN 2686-8431

URL - <http://oriental-courier.ru>

Все права защищены

Выпуск № 1-2 Том . 2021

Мемориалы кладбища Боргель

Каздагли Хабиб

Университет Тунис-Мануба

Тунис, Тунис

Аннотация

Статья ведущего тунисского историка, специалиста по национально-освободительному движению и судьбам еврейской общины Туниса Хабиба Каздагли посвящена анализу трех монументов, посвященных жертвам мировых войн и возведенных на кладбище Боргель — крупнейшем еврейском кладбище города Туниса. В статье анализируется место памятников в архитектурном комплексе кладбища, обстоятельства их возведения, рассматривается, как в их архитектуре отразилась специфика этнополитического развития еврейской общины и особенности процессов модернизации. При проведении исследования автором был привлечен обширный материал тунисской еврейской прессы, ранее редко становившейся предметом научных изысканий, а также эпиграфические материалы. При исследовании памятника, посвященного евреям, погибшим в Первой мировой войне, отмечается, что само его возведение свидетельствовало о формировании в еврейской общине нерелигиозного культа почитания памяти усопших. В то же время анализ памятников жертвам принудительно-трудовых лагерей и депортаций показывает, что само их возведение помещало еврейскую общину Туниса в более широкий исторический и политический контекст, делая ее трагедию частью глобальной трагедии еврейского народа и всего человечества в целом, и одновременно на уровне мест памяти связывая судьбы тунисского еврейства с судьбами еврейства европейского, прежде всего, французского, что обретало особое политическое звучание в контексте развернувшегося после Второй мировой войны национально-освободительного движения и процессов деколонизации.

Ключевые слова: еврейская община Туниса, кладбище Боргель, еврейское кладбище, архитектура, Первая мировая война, Вторая мировая война

Ссылка для цитирования:

Каздагли Х. Мемориалы кладбища Боргель // Восточный курьер. – 2021. – Выпуск № 1-2 С. 74-83 . URL: <https://oriental-courier.ru/s268684310015769-3-1/>. DOI: 10.18254/S268684310015769-3

¹ В городе Тунисе располагается еврейское кладбище Боргель (Borgel). Помимо десятков тысяч могил на нем можно обнаружить специальный участок, посвященный евреям, погибшим в двух мировых войнах и сегодня часто называемый «раввинским» — в честь раввинов, прах которых был перенесен сюда со старого кладбища на улице Лондона (Илл. 1).

2

³ *Илл. 1.* План кладбища Боргель. © Все иллюстрации в статье © Mme Afef Mbarek, laboratoire de recherche sur le Patrimoine université de Manouba-Tunisie

⁴ Здесь воздвигнуто три памятника: один из них посвящен еврейским солдатам, погибшим в Первой мировой войне, а два других — жертвам Второй мировой. Этот участок представляет собой своеобразную «нейтральную зону» на границе между двумя секторами, из которых состоит все кладбище. Один сектор предназначен для захоронений евреев-выходцев из Туниса («*туанса / touansas*»), а другой, меньший по размеру, — для могил евреев из итальянского города Ливорно. Секторы разделены стеной, пересекающей все кладбище. Такое устройство кладбищенской территории отражает специфику истории еврейской общины Туниса, на протяжении долгого времени состоявшей из двух не смешивавшихся между собой групп. Представители каждой из них могли попадать на свою часть кладбища через собственные ворота во внешней стене, выходящей на дорогу, связывающую столицу с престижным пригородом Ла Марса (*la Marsa*). Расположенный между двумя секторами участок, с одной стороны, не принадлежит ни одному из них, а с другой, связывает их воедино: на его территорию посетитель может попасть, не выходя за пределы своего сектора, через специальную дверь в разделительной стене (*Илл. 2*).

⁵

⁶ *Илл. 2.* «Раввинский» участок на кладбище Боргель

⁷ Рассмотрим памятники «раввинского» участка в хронологическом порядке их воздвижения.

8 **Памятник евреям, погибшим в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)**

9 Первый памятник, построенный после Первой мировой войны, называется «Кубба» (купол, «Koubba») (Илл. 3). Его постройка знаменовала собой особый момент в эволюции менталитета еврейской общины Туниса, когда на смену сохранению памяти об усопших в рамках религиозной традиции пришло гражданское поминовение. В это же время произошло и своеобразное объединение двух еврейских общин города вокруг памяти о своих погибших.

10

11 *Илл. 3. Памятник евреям, погибшим в годы Первой мировой войны*

12 Во время наших исследований мы обнаружили в западной части внешней поверхности стены, ограничивающей сектор Ливорно, едва заметные сегодня надписи, написанные от руки черной краской с именами солдат, сражавшихся на стороне Италии. Мы не знаем, в каком контексте были нанесены эти едва заметные сейчас надписи, однако само их наличие хорошо иллюстрирует эту эволюцию менталитета — переход к гражданскому поминовению двумя составляющими еврейской общины Туниса.

13 Таким образом, решение установить памятник погибшим евреям, участвовавшим в Первой мировой войне, отражало изменения в мемориальной практике еврейской общины Туниса, в которой ранее особое место занимали исключительно захоронения раввинов. Предположительно, этот поворотный момент произошел в 1923 г., хотя предпосылки существовали и раньше. Газета *La Justice* — печатный орган просвещенной еврейской элиты Туниса, стал выразителем этой эволюции и усиления гражданской составляющей в памяти о мертвых. На страницах газеты в то время стали появляться материалы, посвященные памяти о евреях, погибших во время Первой мировой войны. Так, в номере от 13 апреля 1923 г. упоминается о посмертном награждении орденом Почетного легиона¹ **сержанта Исаака-Анри Висмута** (Issaac-Henri Bismuth), еще при жизни удостоившегося Медали Марокко, Колониальной медали, Военного креста с пальмами и звездами и военной медали. В том же 1923 г., 18 ноября, в Тунисе состоялась торжественная панихида по тому же сержанту Висмуту, на которой присутствовало множество людей. По этому случаю в ритуальном зале на улице Лондона была организована специальная церемония, на которой прозвучали две речи. Первую произнес мэтр Виктор Себа (Victor Sebag), вице-президент еврейской общины Туниса, вторую — доктор Сциалом (Scialom), президент Ассамблеи выпускников бывших учеников Всемирного еврейского союза². Еще одним признаком вступления евреев Туниса в эру мемориальных практик, прочно закрепившихся во французской культуре, стало решение, объявленное в 1925 г. муниципалитетом Туниса, «изменить вывески на *рю-дю-сель*, которая теперь будет носить название улица Сержанта Висмута»³.

14 Именно в этом общем послевоенном контексте, отмеченном созданием отличительных знаков, мемориалов и мест памяти, призванных напоминать о страданиях людей, пожертвовавших своими жизнями ради других, еврейская элита Туниса стала инвестировать в память, заявляя тем самым о своем участии в победе. В номере газеты *La Justice* от 9 ноября 1923 г. говорится о необходимости почтить память о погибших в Великой войне в соответствии с принятым 25 октября 1919 г. во Франции законом Пуанкаре⁴. Таким образом, в 1923 г., четыре года спустя после принятия закона, еврейская община Туниса продемонстрировала свое стремление занять место в орбите современности.

15 В то же время, примерно в 1921 г. изменился и способ самоорганизации еврейской общины, управленческие органы которой стали формироваться не через назначения и кооптацию, как ранее, а посредством выборов. Совет Шестидесяти (Le Conseil des soixante)⁵, совещательный орган, единогласно постановил 13 июня 1922 г. «воздвигнуть на кладбище Боргель памятник, посвященный евреям, павшим в Великой войне»⁶. В открытой с этой целью подписке были призваны принять участие все члены еврейской общины. Совет подчеркивал лояльность

евреев Туниса, их привязанность Франции и стремление внести значительный вклад в увековечение памяти их братьев, павших за триумф великого дела союзников. Кроме того отмечалось, что памятники погибшим, воздвигнутые с 1919 г. в нескольких городах регентства, были посвящены французам, мусульманам и итальянцам. Хотя это и не упоминалось специально, но читателю было очевидно, что в этих памятниках выражалась в том числе и конфессиональная принадлежность жертв войны. Памятник погибшим тунисцам был установлен на гарнизонной стене Касбы (Kasbah), а мемориал в честь итальянцев был открыт на кладбище Бельведер (Cimetière du Belvédère) 24 мая 1923 г. Следовательно, причин, препятствующим евреям иметь собственный памятник, не существовало, тем более что они были добровольцами⁷. Фактически, сбором средств и строительством еврейского мемориала занялась Ассоциация тунисских добровольцев-евреев (l'Amicale des engagés volontaires israélites tunisiens), возглавляемая доктором Бен Мусой (Ben Moussa). Возведение памятника при этом рассматривалось как способ напомнить о сохранявшемся «требовании натурализации евреев Туниса». Впрочем, с подпиской возникли трудности, и в июне 1924 г., спустя два года после начала кампании по сбору средств, было собрано едва ли 6000 франков, тогда как необходимая сумма составляла 17000 франков.

¹⁶ В ноябре 1925 г. строительство памятника все еще не было завершено. Секретарь комиссии С. Атталь (S. Attal), выражая сожаления о задержке в реализации проекта, подверг критике то обстоятельство, что строительство было поручено городскому архитектору Виктору Валенси (Victor Valensi) без какого бы то ни было конкурса. *«Если бы архитекторам города предложили представить проекты, — справедливо пишет он, — возможно, у нас был бы памятник более удачной концепции, чем марабутский купол»*⁸. Действительно, форму памятника критиковали довольно много, ведь его купол и в самом деле напоминает купол *завий*⁹. Однако необходимо принять во внимание, что конкурс не проводили именно потому, что именно из-за нехватки денег заказ был сделан городскому архитектору, после чего проведение конкурса стало невозможным.

¹⁷ Сожаления, впрочем, на этом не заканчивались: *«Как и каждый год, когда все группы населения: французы, итальянцы, представители коренного населения, частные лица направляются к подножиям своих памятников, чтобы воздать должное смерти, евреи уходят в забвение и тишину скромных святилищ, воздвигнутых ими, чтобы почтить и прославить своих умерших»*¹⁰. Несмотря на то что после Великой войны евреи Туниса освоили практики поминовения усопших, эти практики пока что были лишены демонстративности и торжественности, что объясняет, почему почти четыре года спустя после войны памятник погибшим евреям в 1923 г. все еще оставался незавершенным. Хотя в синагоге на улице Луары и организовывались официальные поминальные церемонии, внутри еврейской элиты сохранялись очень серьезные противоречия, что и объясняло задержку в сооружении памятника и отсутствие энтузиазма в отношении возведения военного мемориала. В то время в еврейской общине Туниса противостояли друг другу два идеологических течения, что отчетливо проявлялось в деятельности двух газет того времени: *La Justice* и *L'Egalité*.

Консервативная *L'Egalité* выступала против *La Justice*, служившей средством выражения позиций модернистов внутри общины.

¹⁸ Хотя обе газеты говорили о необходимости возведения скромного монумента в честь умерших, именно *La Justice* продвигала идею скорее светского поминовения. Это еще не было сформулировано явно, потому что сторонники *La Justice* также называли себя людьми религиозными, однако они стремились следовать французской модели, пытаясь идентифицировать себя с ней. Еще в статье от 13 ноября 1925 г. С. Аттал писал: *«Эта работа все еще не закончена, что неприемлемо: семьям, потерявшим близких, пора найти подходящее место, где бы они могли встречаться, чтобы предаваться воспоминаниям и слезам»*¹¹.

¹⁹ 20 ноября 1925 г. газета *La Justice* объявила о том, что памятник был открыт 6 декабря 1925 г., однако произошло это событие или нет, неизвестно: церемония поминовения погибших должна была состояться 11 ноября 1925 г., в годовщину Компьенского перемирия. Два года спустя *La Justice* в номере от 11 ноября 1927 г. еще раз объявила, что церемония проходит в синагоге Коэна, а не у подножия памятника погибшим. Предложения С. Атталя не остались незамеченными: за ними последовали разъяснения Клемана Узиэля (Clément Ouzie), директора школ Всеобщего еврейского союза. В письме в газету Узиэль категорически отверг любые упреки к Всеобщему еврейскому союзу, который якобы мог нести часть ответственности за задержку в создании памятника. Рассказывая об истории проекта строительства, директор писал: *«Господин Аттал выражает сожаление, что школы Альянса, приглашенные принять участие в этой подписке, не ответили на призыв. На собрании 23 июня 1923 г. наш комитет по улучшению школы принял решение поставить в школе для мальчиков на улице Мальты “Мальта Срира” памятник бывшим ученикам, погибшим во время Великой войны»*. Опровергая подобные обвинения, он привел выдержки из протокола: *«Президент вносит в комитет проект памятника погибшим на войне студентам по проекту Виктора Валенси»* и объяснил позицию Альянса: *«Мы не участвовали в этом проекте; мы решили поставить памятник в школе, но сами не смогли завершить этот проект»*. Между Общиной и школами существовали рабочие разногласия: первые считали, что школы не были достаточно религиозными местами.

²⁰ Как бы то ни было, на кладбище Боргель в конце 1920-х гг. появится памятник, посвященный евреям, погибшим во время Первой мировой войны, на нем же будут установлены два других памятника вскоре после Второй мировой войны.

²¹ **Два памятника жертвам Второй мировой войны и памятник жертвам принудительно-трудовых лагерей**

²² На той же площади, предназначенной для гражданских поминовений, вскоре после Второй мировой войны были открыты два других памятника: памятник жертвам, погибшим в принудительно-трудовых лагерях, и памятник жертвам депортаций в лагеря смерти в Европе.

²³ О церемонии открытия первого из них, состоявшейся в воскресенье, 21 сентября 1947 г., свидетельствуют довольно подробные материалы источников.

Памятник был призван напоминать о страданиях рабочих, которых немецкие войска стали угонять с 9 декабря 1942 г. (речь не о депортациях, а именно о принудительных работах¹², на которые направлялись люди в Бизерту и окрестности города Туниса).

²⁴ Вспомним контекст появления немцев в стране 9 ноября 1942 г. Каждую ночь самолеты союзных армий, базировавшихся в Алжире и Марокко, прилетали бомбить немецкие позиции, портовую и военную инфраструктуру. Появилась необходимость в дешевой рабочей силе, которая могла бы трудиться на поврежденных путях и в доках. Фашистам требовалось в кратчайшие сроки восстановить разрушенные объекты, чтобы противостоять атакам союзников в сложных условиях Сахеля¹³ и города Туниса. Именно с этой целью и было создано множество рабочих лагерей, куда угоняли евреев, многие из которых погибли в ходе бомбардировок или из-за плохого обращения со стороны немецких солдат, которому в первую очередь подвергались больные и не привыкшие к тяжелой работе. Монуменг воздвигнут в память об этом эпизоде, чтобы увековечить память о тяжелом времени и невзгодах: *«Эти люди были отправлены на работы против своей воли; многие из них не знали физического труда, никогда не брали в руки лопаты или кирки. Таким образом, это стало началом тяжелого периода невосполнимого урона, которому от гитлеровских варваров подверглись сначала наши братья во Франции и в Европе, а затем и мы. Мы не были единственными жертвами, но когда настал наш черед; на наших братьев, таких же евреев, как и мы, была наложена тяжелая дань»*¹⁴. Эти слова использовал в своем письме 1948 г.¹⁵ президент коллегии адвокатов Эли Натаф (Elie Nataf), в то время руководивший общиной. Таким образом, этот мемориал увековечил общность тех условий, в которых оказались евреи и Европы, и Туниса.

²⁷ Илл. 4, 5. Памятник жертвам принудительно-трудовых лагерей

²⁸ Церемония открытия была организована Кассой взаимопомощи трудящихся авиабазы Эль-Ауины (d'El Aouina), представлявшей собой одну из самых страшных фабрик смерти, где погибло множество представителей войск союзников и еврейских рабочих. Всего в стране действовало более тридцати принудительных трудовых лагерей. Памятник отличается более современной архитектурой, чем посвященный памяти войны 1914–1918 гг., а его форма в большей степени вдохновлена французскими мемориалами (Илл. 4, 5). Поминовения были удостоены и тунисские евреи, погибшие в лагерях депортации.

²⁹ **Монумент памяти депортированных евреев**

Все, кто умер за пределами Туниса, считаются депортированными, независимо от того, умерли они в концентрационном лагере или при других обстоятельствах. Так обстоит дело, например, с тремя членами семьи Шемла (Chemla) (отец и двое его детей), арестованными в г. Хаммамете в результате доноса¹⁶. Они предстали перед немецким военным трибуналом как предатели, потому что имели французское гражданство и пытались пересечь линию фронта, чтобы присоединиться к силам союзников, все еще находившихся в западном Тунисе. Этот новый памятник — третий, воздвигнутый на кладбище, — возвышается рядом с монументами в память о гибели евреев в войне 1914–1918 гг. и в память о погибших евреях, ставших жертвами принудительного труда. Памятник, также выполненный в современном стиле (*Илл. 6, 7, 8*), был преподнесен городу в знак почтения и признательности. Открытие состоялось в четверг, 15 апреля 1948 г. В церемонии принял участие главный раввин Франции, которого по этому случаю принял бей, а также Генеральный резидент¹⁷ Жан Мон (Jean Mons).

DEPORTES

Mrs COHEN-HADRIA VICTOR

Mrs RAYMOND SAMAMA

Dr LEVY BENJAMIN

ASSOUS ISAAC

COHEN VICTOR-HAI-EMMANUEL

DANA EDOUARD-BENJAMIN

MSIKA EDMOND-SALOMON

SCENLA JOSEPH

Dr LIEUTENANTS

SCENLA GILBERT

VICTOR BONAN

SCENLA JEAN

GASTON NATAF

SMADJA EMILE

TIBI HAIM

YOUNG PEREZ

VICTOR SLAMA

34 Илл. 6, 7, 8. Монумент памяти депортированных евреев

35 На церемонии открытия присутствовали многие видные деятели того времени: архиепископ Карфагена, представители Большого совета (Законодательного собрания того времени) (Grand Conseil), представители муниципалитета Туниса, руководитель общины Эли Натаф. В выступлении Эли Натаф отметил, что *«за 25 лет это третий памятник, призванный увековечить память евреев, которые пали, защищая Францию, когда последняя сражалась за почти погибающую цивилизацию, за свободу и права человека»*. Он напомнил, что самоотверженность евреев была обусловлена стремлением спасти идеал французской родины и религии: *«Мы были наивернейшими среди верных»*.

Констатируя происшедшие катастрофы и разрушения, нельзя воздавать должное страданиям, локализованным только во Франции: были страдания, опасности и риск, которым подверглись евреи повсюду, где бы ни жили. На церемонии прозвучало, что *«это монумент в память о наших мучениках; о тех, кто умер, чтобы защитить свободное существование»*. Эли Натаф заявил: *«Франция наблюдала, как вместе с ее собственными уходили ее приемные дети, чтобы спасти страну, идеалы и религию — ведь опасность нависла над всеми тремя. Все они ушли, объединенные одним сердцем. Солдаты в форме, солдаты итальянского, французского и немецкого фронтов, депортированные рабочие, вы все умерли за нас. Три памятника должны стать единым: памятником почитания и признательности»*¹⁸.

³⁶ В заключение можно сказать, что мемориальный участок, предстающий сегодня перед посетителем кладбища, сочетает в себе одновременно два вида памяти: религиозную память о прославленном раввине Хай Тайибе (Hay Taieb)¹⁹ и память о жертвах двух войн XX века. Он изначально был местом, иллюстрирующим процесс эмансипации евреев Туниса и их вступление в современность. Ранее пространство представляло собой прежде всего место расположения трех мемориалов, однако повороты в истории общины и окончательный вывод из эксплуатации кладбища на улице Лондона [Kazdaghli, 2014] и его преобразование в сад в 1957 г. привели к тому, что знаменитые гробницы раввинов были перенесены на эту площадь. Исторический процесс вновь пошел вспять, память о раввинах обрела новую жизнь.

³⁷ Как бы то ни было, эта площадка с множеством воздвигнутых на ней памятников и сегодня остается местом религиозных, общественных и светских поминовений. В этом месте памяти отчетливо отражается и история еврейской общины, и трансформации, которые она претерпевала. Здесь можно воочию видеть, как то укреплялась, то ослабевала традиция поклонения святым местам, как менялось отношение к погибшим в войнах. Поскольку переход от плоских гробниц к приподнятым надгробиям отражает эту эволюцию идентичности, то и способ поминовения умерших в ходе двух мировых войн также является его признаком: мы перешли от исключительно религиозного почитания мертвых к гражданскому, к воздаянию уважения во имя светских, патриотических и общечеловеческих ценностей. Точно также мы прошли путь от единичного семейного праздника к коллективному публичному и гражданскому.

Примечания:

1. *La Justice* № 3 от 13 апреля 1923 г. посвящает сержанту Исааку-Анри Висмуту статью, в которой приводится опубликованный в *Journal officiel* указ (Matricule 41C22074) о присвоении ему награды. Сержант характеризуется там как «элитный унтер-офицер, инициативный и энергичный, который всегда выделялся в делах... В битве 24 октября 1916 г. при Дуомоне он обучил свою часть превосходным атакам и с доблестью погиб при попытке получить контроль над частью укрепленного сооружения».

2. «Obsèques du Sergent Bismuth». *La justice*. No. 24. 19.11.1923.

3. Автор статьи «Улица сержанта Висмута», опубликованной в № 74 *La Justice* от 8 мая 1925 г., видит в этом жесте муниципалитета Туниса «официальное признание родным городом героя, погибшего за Францию, орденоснца, награжденного военным крестом и посмертно ставшего кавалером ордена Почетного легиона». «Rue du Sergent Bismuth», *La justice*. No. 74. 08.09.1925.

4. Закон о поминовении и прославлении умерших во имя Франции во время войны 1914–1918 гг. Он применяется к колониям в соответствии со ст. 7.
5. Отныне члены Совета избирались всеобщим голосованием мужчин.
6. *La justice*. No. 23. 09.11.1923.
7. В номере *La justice* от 23 июня 1923 г. опубликовано письмо, адресованное Жаком Бисмутом (Jacques Bismuth) (братом сержанта Исаака) Эжену Бессису (Eugène Bessis) (президенту еврейской общины), в котором он напоминает о том, что у итальянцев, французов и мусульман есть свои памятники погибшим и только у евреев не было памятника, который бы напоминал об их участии в войне [*La justice*. 23.06.1923].
8. *La justice*. 13.11.1925.
9. Завия – суфийская обитель или место погребения суфийского святого.
10. *La justice*. 13.11.1925.
11. *La justice*. 13.11.1925.
12. Этот эпизод подробно описан в двух книгах: «*Желтая звезда и свастика (Свидетельства о Шоа)*» Роберта Боргеля [Borgel, 2007] и «*Шесть месяцев под сапогом*» Пола Геза [Guez, 2009], изданных под редакцией Клода Натафа. См. также книгу «Евреи Туниса под нацистским игом (9 ноября 1942 – 8 мая 1943)» [*Les Juifs de Tunisie sous le joug nazi (9 novembre 1942 – 8 mai 1943)*, 2012], содержащую свидетельства, собранные и обработанные Клодом Натафом, и изданную с предисловием Сержа Карлсфельда в 2012 г. тем же издательством.
13. Прибрежный регион Туниса — от мыса Кап Бон до г. Махдия. — *Прим. пер.*
14. Национальный архив Туниса, письмо Генерального секретаря правительства Туниса от 16 сентября 1947 г. [*Archives nationales de Tunisie*. Lettre du 16 septembre 1947 du secrétaire général du gouvernement tunisien].
15. Discours d'Elie Nataf. *La dépêche tunisienne*. 16.04.1948.
16. Эпизоды этой болезненной истории рассказаны в книге Фредерика Гаске (сына Жильбера Шемл «Письмо моего отца. Семья из Туниса в нацистском аду» [Gasquet, 2006], изданной с предисловием Сержа Карлсфельда.
17. Генерал-резидент Франции в Тунисе — официальный представитель французского правительства в Тунисе во время французского протектората Туниса (1881–1956).
18. Discours d'Elie Nataf. *La dépêche tunisienne*. 16 avril 1948.
19. Ицхак Хай Тайиб (Hay Taieb, 1743–1837) — один из наиболее значительных раввинов тунисского еврейства, известен глубоким знанием талмуда, в частности каббалы.

Библиография:

1. Archives nationales de Tunisie. Lettre du 16 septembre 1947 du secrétaire général du gouvernement tunisien.
2. Borgel R. Etoile jaune et croix gammée. Paris: Éditions Le Manuscrit / Fondation pour la Mémoire de la Shoah, 2007. — 406 p.
3. Discours d'Elie Nataf. *La dépêche tunisienne*. 16.04.1948.
4. Gasquet F. La lettre de mon père. Une famille de Tunis dans l'enfer nazi. Paris: Editions du Felin, 2006. — 170 p.
5. Guez P. Six mois sous la botte. Paris: Éditions Le Manuscrit / Fondation pour la Mémoire de la Shoah, 2009. — 383 p.
6. Kazdaghli H. Cimetières et extension urbaine. Le cas de l'ancien cimetière juif de Tunis. Villes

7. maghrébines en situations coloniales. Charlotte Jelidi ed. Paris: Karthala, 2014. Pp. 191–203.
8. Kazdaghli H. Histoire de la mémoire de la Grande Guerre en Tunisie (1919-1957). Hespéris-Tamuda. 2018. LIII (1). Pp. 209–218.
9. La justice. No. 3. 13.04.1923.
10. La justice. No. 23. 09.11.1923.
11. La justice. 23.06.1923.
12. «Rue du Sergent Bismuth». La justice. No. 74, 08.09.1925.
13. La justice. 13.11.1925.
14. Les Juifs de Tunisie sous le joug nazi (9 novembre 194 – 8 mai 1943). Récits et témoignages rassemblés, présentés et notés par Claude Nataf, préface de Serge Karlsfeld. Paris: Éditions Le Manuscrit / Fondation pour la Mémoire de la Shoah, 2012. — 358 p.
15. Loi relative à la commémoration et à la glorification des morts pour la France au cours de la guerre de 1914–1918.
16. «Obsèques du Sergent Bismuth». La justice. No. 24. 19.11.1923.
17. «Rue du Sergent Bismuth». La justice. No. 74, 08.09.1925.

Memorials of the Borgel Cemetery

Habib Kazdaghli

Université de Tunis-Manouba

Tunisia, Tunis

Abstract

The article of the leading Tunisian historian, specialist in the national liberation movement and the fate of the Jewish community of Tunisia, Habib Kazdaghli analyses the three monuments dedicated to the victims of world wars, erected at the Borgel cemetery, the largest Jewish cemetery in the city of Tunisia. The article looks into the place of the monuments in the architectural complex of the cemetery, the circumstances of their construction, examines how their architecture reflected the specificity of the ethno-political development of the Jewish community and the peculiarities of the modernization processes. The author uses extensive material from the Tunisian Jewish press, which previously rarely presented the subject of academic research, as well as epigraphic materials. In the analysis of the monument dedicated to the Jews who died during the First World War, the author notes that its construction testified to the formation in the Jewish community of a non-religious cult of honouring the memory of the dead. At the same time, analysis of the monuments to victims of forced labour camps and deportations shows that their very erection placed the Jewish community of Tunisia in a broader historical and political context, making its tragedy a part of the global tragedy of the Jewish people and all humanity as a whole. It also linked the fate of Tunisian Jewry with the fate of European Jewry and, first of all, French Jewry, which acquired a special political meaning in the context of the national liberation movement and the processes of decolonization that unfolded after World War II.

Keywords: Jewish community of Tunisia, Borgel cemetery, Jewish cemetery, architecture, World War I, World War II

Date of publication: 03.08.2021

Citation link:

Kazdaghli H. Memorials of the Borgel Cemetery // Oriental Courier. – 2021. – Issue 1-2 C. 74-83 . URL: <https://oriental-courier.ru/s268684310015769-3-1/>. DOI: 10.18254/S268684310015769-3